

Алина Чинючина

Пятая Сила

*Йарвену (Сергею Заболотному) –
с благодарностью за подаренную сказку*

*и Анне Узденской, поддерживавшей,
понимавшей и вдохновлявшей меня все это
время*

Пролог

Разнотравье широкой равнины заливал дождь. Конь фыркал и мотал головой, переступая копытами по мокрой дороге, точно надеялся, что всадница повернет его обратно – к городу, к воротам, к привычному стойлу, к мягкому сену... Всадница, погруженная в свои мысли, совершенно не замечала недовольства животного. Низко опустив голову, она бросила поводья, и конь с галопя перешел сначала на рысь, потом на шаг. Почти стемнело, и сквозь дождевую завесу уже ничего нельзя было разглядеть.

Холмы подходили к городу с севера и востока. В этой степной стране лесов было днем с огнем не сыскать. Единственная на всю страну большая река Ренна окружала Руту, столицу, почти кольцом – и волей-неволей новые жители селились за рекой. Эта часть так и называлась – Заречье; широкий пояс домов, перемежаемый кое-где чахлыми деревцами неторопливо рос к северу, западу и востоку от крепостных стен и от реки. С юга к городу подходил широкий, плотно укатанный тракт, называемый в народе Княжеским.

Теперь тракт этот обезлюдел. Все, кто успел, укрылись либо в холмах, либо давно ушли – к северу, к границе. Маленькому княжеству Таннаде волей-неволей пришлось просить защиты у северного соседа – королевства Инатты; Инатта помощи не прислала, но хоть беженцев принять не отказалась – и на том спасибо.

Войско князя Реута – когда-то самого бедного, а теперь самого наглого из всех южных князей – подошло к столице с юга и остановилось на расстоянии двух полетов стрелы. Кого только не было в этом войске! Еще совсем недавно правитель крошечного, лоскутного Радополя, Реут стал теперь повелителем шести таких же маленьких государств, поставил на колени князя Элліса, южного соседа Таннады, и упрямо и методично двигался к столице, оставляя на своем пути выжженную пустыню.

И, как водится, опережая беженцев, по стране покатались слухи. Говорили, что с войском Реута идет маг огромной силы. Говорили, что князь Тирайн Леа-Танна, правитель Таннады – единственный, кто сможет остановить этого мага. Говорили, что... да мало ли что говорили. А жители тем временем бежали либо в Руту – под защиту стен, либо, махнув рукой, уезжали на север – авось на Инатту у князя Реута наглости не хватит.

Посмотрим, посмотрим...

Хлюпали по грязи копыта коня. Всадница покачивалась в седле, словно не замечая дождя. Темнело.

На краю военного лагеря Реута ее окликнула стража. Женщина спешила и, похлопав коня по мокрой спине, что-то неторопливо и негромко проговорила. Стражники неожиданно подтянулись, расступились, почтительно склонили головы. Женщина распахнула плащ, показывая, что нет у нее с собой ни меча, ни кинжала, и, бросив поводья одному из солдат, так же неторопливо пошла вслед за вторым. Путь их лежал к центру

полукольцом растянувшегося лагеря, к небольшому, отдельно стоящему шатру, богато украшенному вышивкой.

Возле узорчатой занавеси солдат сделал знак обождать и не без робости шагнул внутрь. Спустя минуту вышел и махнул госте: входи, мол.

В шатре горели светильники, было тепло и сухо. Женщина осталась стоять у входа – с раскисших, промокших сапог ее сразу натекла лужа; вода капала с края плаща. Теплый воздух после слякоти и сырости снаружи навевал сон. Женщина стояла и молчала.

Высокий светловолосый человек лет тридцати сидел за маленьким походным столиком и что-то писал. На столе среди разбросанных исчерканных свитков, перьев, рядом с недопитым кубком валялся серебряный медальон на длинной цепочке – летящая над линией горизонта птица – знак мага Воздуха.

Тихо было в шатре, только масло потрескивало в светильниках да слышались голоса солдат и шум дождя снаружи.

Не поднимая головы, человек бросил сухо:

- Я слушаю.

Женщина молчала. Пальцы ее, сжатые в кулаки, побелевшие от напряжения, прятались в складках плаща.

- Я слушаю, - повторил маг, поднимая голову.

Женщина молча отбросила капюшон.

Маг легко и резко поднялся, сделал шаг навстречу – и остановился, точно налетев с размаху на невидимую преграду.

- Ты... – тихо, едва слышно выговорил он, бледнея. Через пару секунд овладел собой, хмыкнул: - Не ожидал.

Женщина склонила голову.

- Приветствую тебя, великий завоеватель.

Маг нахмурился.

- Зачем ты пришла? – спросил он, отошел к столу, машинально взял перо.

- С просьбой. К тебе, - она по-прежнему стояла у входа.

- Князь послал? – хмыкнул маг, бросив перо обратно.

- Нет, - женщина не отвела взгляда. – Я сама. Он и не знает ничего... - и усмехнулась: - Если б знал - запер бы меня, чтоб не сбежала, да только – что мне замки?

- Это верно, - невпопад согласился маг. Вздыхнул: – Ну и чего же ты хочешь?

Гостя прямо посмотрела на него, но потом опустила голову. Темно-рыжие волосы ее отливали медью при неярком свете светильников.

- Отведи войска... - голос ее сорвался, она чуть качнулась вперед. – Прошу тебя, Саадан! Ведь ты же можешь приказать Реуту!

- Нет, - маг говорил сухо и четко. – Вы знаете, зачем я здесь. Камень должен стать моим.

- Не твой он... - женщина шагнула к нему. – Не твой! Эти Камни... они твои в той же мере, что и мои, и Кервина, и Тирайна. Мы творили вместе!

- Вместе, это верно. Но, если ты помнишь, это была моя идея. Я больше знаю, больше могу.

- Ты губишь людей... просто так, ни за что, из-за своих амбиций!

- Это же можно сказать и о твоём муже, княгиня Таэлла.

- Нет!

- Закончим этот разговор, - устало поморщился Саадан. – Если у тебя есть что сказать по существу... предложить, например, то я готов тебя выслушать. Если же нет - эмоции мне здесь не нужны, я сегодня устал.

- Что ты хочешь взамен? – прошептала Таэлла.

- Ты знаешь, - холодно проговорил маг. – Я не согласен на замену. Мне нужен Камень. Только он. И я получу его, потому что остальные два уже стали моими.

Она взглянула недоуменно. Поняла; в больших зеленых глазах плеснулся ужас.

- Так ты...

- Да, - кивнул маг, наблюдая за ней. – Кервин, умирая, отдал свой Камень мне и попросил сберечь...

- Вот что... - Таэлла выдохнула, чуть обмякла. – О его смерти я знаю.

Наступила тишина. Таэлла облизнула сухие губы, расстегнула фибулу у горла.

- Да сядь ты, наконец, - маг шагнул к ней, помог снять намокший, тяжелый плащ, подвел к стоящему в углу креслу. – Выпей вина, ты же с дороги. Есть хочешь?

Она покачала головой, тяжело опустилась в кресло. С силой провела рукой по лицу, словно стирая усталость.

- Представляю, как мечется сейчас твой муж, - сухо проронил Саадан, наливая вино в изящные бокалы дорогой работы. - Впрочем, зная тебя, могу сказать, что это в твоём духе. Ты ничуть не изменилась... такая же сумасшедшая. Ты вообще-то понимаешь, что сейчас творишь? – он протянул ей бокал.

- Ничего особенного, - она пристально смотрела на него.

- Ну, да... за исключением того, что ты сейчас в моей власти, княгиня, полностью. Одна, безоружная, без защиты. Я могу сделать с тобой все, что угодно.

- Например? – Таэлла усмехнулась, отпивая вино.

- Например, - маг помолчал, - могу в обмен на твою голову выпросить у Тирайна все, что угодно. В том числе и Камень. Уверен, он согласится на все за твою жизнь и свободу.

- Ты этого не сделаешь, - лицо ее было спокойным.

- И кто же мне помешает? – улыбнулся он.

В комнате опять повисла пауза.

- Саадан, там мой сын, - вдруг тихо проговорила Таэлла. – Там... там мирные люди. Зачем тебе их смерти?

- Я же сказал, - голос мага затвердел, - мне не нужна ни кровь, ни смерть. Отдайте мне Камень, и я могу уйти прямо сейчас.

Он залпом осушил свой бокал и взглянул на нее.

- Сын... Я знаю. Ему сколько – года четыре сейчас?

- Три...

Ветер раскачивал стены шатра и, казалось, обрывал слова. Мокрые ветви, что ли, шумели снаружи, и в шелесте их слышались слова? «Саадан... Саадан...» - шептали листья.

- Да, - задумчиво сказал Саадан, - странная встреча. Я, признаться, когда увидел тебя, думал, что ты испепелишь меня прямо здесь, на месте.

Таэлла покачала головой, взглянула ему в глаза:

- Ты же знаешь, что тебя... на тебя я никогда не подниму руки. Никогда.

Молчание, повисшее меж ними, тихо звенело от напряжения.

- Ладно, - вздохнул, наконец, Саадан. - Княгиня, если у вас есть что еще сказать мне...

Женщина вскочила - и вдруг упала на колени.

- Прошу тебя! Оставь нас в покое!

- Мне не нужен ни ваш город, ни ваше княжество, - поморщился маг. – Если вы не станете сопротивляться, лично я не трону никого. Выдайте мне то, что я прошу, и я уйду. А без меня Реуту никогда не одолеть вас. Я не хочу крови. У тебя все?

Не дожидаясь ответа, он хлопнул в ладоши, и занавесь входа откинулась почти мгновенно. Одетый в черное солдат вытянулся на пороге.

- Уведите, - Саадан кивнул на женщину. – Накормить, содержать с почетом. Выспись, Тала. Завтра утром тебе вернут коня, и ты сможешь уехать.

- Но...

- Я все сказал.

Двое охранников вежливо, но твердо взяли ее за локти.

Ветер хлестал по ветвям, колыхал стены шатра. Пламя нескольких свеч едва заметно вздрагивало.

Тала смотрела на это пламя невидящими глазами.

Десять лет. Десять лет жизни – без него. Седая прядь в волосах, угасшие глаза, спокойный и ровный голос. Три года живет на свете мальчик, который должен, обязан был быть *его* сыном. И два самых близких ей человека завтра встанут друг против друга с оружием в руках. Было от чего желать сойти с ума.

«Ты совсем не изменилась...»

Изменилась, Саа, еще как изменилась. Она горько усмехнулась, тронула виски – там, под уложенными короной косами, отчетливо проступают седые пряди. Чего стоила мне весть о твоей гибели, Саа... один Господь знает, да вот Тирайн еще... Если после смерти отца у меня еще оставались силы жить, то когда пришло известие о твоей гибели, в целом свете не осталось ничего, что могло бы задержать здесь, у последней этой черты. А у края обрыва, поросшего терновником и вереском, оказался лишь один, чьи руки успели схватить меня, задержать, не пустить. Оставить в жизни. Выжила... Видно, магия его Земли укротила Огонь моего отчаяния. Теперь маленький Лит, рассердившись, поджигает игрушки, а у меня... пепел у меня внутри, зола да угли, и ни искорки уже не осталось.

... Тала, смотри, как я его раздую! Смотри! Можешь поджечь вот эту щепку? У меня получается, смотри!

Звонкий смех, исцарапанные пальцы, вымазанные землей, чуть вздрагивают от волнения... первые опыты, первые удачи... Ручей и скала на окраине города, там они собирались в детстве – трое мальчишек и она, Тала... Таэлла ин-Реаль, огненный маг... где теперь та рыжая девочка с зелеными, как малахит, озорными глазами, в глубине которых мелькали веселые искорки? Пламя оранжевых закатов ловила она губами, могла подчинить себе небесное золото и земную медь, и воздушные вихри крутились вокруг, питаясь ее яростными искрами. Академия, первый месяц занятий...

... Тала, ты знаешь, меня вчера господин учитель похвалил. Сказал, что из меня выйдет толк.

Пальцы перепачканы чернилами, ветер треплет светлые и темные пряди, перепутывая их, играет рукавами длинных форменных мантий. Академия, второй курс....

... Тала... знаешь, я давно хотел тебе сказать...

Снова Академия, выпускной... легкое ее белое платье слабо мерцает в свете свечей, искрами поблескивают его глаза.

Не говори ничего, не надо!

Если бы ты не уехал тогда...

Если бы...

Если бы...

Поздно.

Часть первая

Тала

Тала - Таэлла ин-Реаль - с раннего детства знала, что станет магом. Огонь был ее лучшим другом; маленькие огненные ящерки-саламандры протягивали язычки, искрами касались ладони, когда, обиженная, она плакала, спрятавшись в углу, от обиды на несправедливых взрослых. Проходя с матерью или нянькой мимо здания Академии Магов, она, выворачивая шею, смотрела, смотрела на расхаживающих по двору юных магов в длиннополых одеждах. Уже с шести лет она играла «в волшебников» вместе с двоюродным братом и, важно помахивая гусиным перышком, объясняла восьмилетнему «ученику», как правильно зажигать свечи, - и купалась в восхищенном недоумении мальчишки.

Ох, как стучали зубы, как дрожали колени ясным сентябрьским утром, когда Тала в шеренге таких же перепуганных и счастливых первокурсников стояла в огромном зале Академии и, от волнения почти ничего не слыша, задирая голову, разглядывала высокий сводчатый потолок, колонны, высокие окна, ловила гулкое эхо голосов. Осанистый, пожилой маг – ректор Академии – долго говорил что-то о принимаемых ими обязательствах, о трудностях, которые предстоит преодолеть, о долге каждого настоящего мага прежде всего многому научиться... От его ровного, громкого голоса волнение чуть улеглось, и Тала осторожно повертела головой, присматриваясь к будущим товарищам.

Слева донесся едва громкий шепот. Тала наострила уши. Сосед слева – плотный русоволосый крепыш – откровенно разглядывал ее. Потом толкнул локтем стоящего рядом с ним белобрысого тощего мальчишку и, давясь смехом, прошептал, даже не особенно стараясь понизить голос:

- Смотри, какая рыжая! Точно, Огненной будет!

От снопа жарких искр, попавших на рубашку, крепыш собрался было завопить, но сосед, не моргнув глазом, выпустил из полураскрытой ладони тоненький воздушный вихорек и задул собравшийся было заняться рукав.

После окончания торжественной церемонии всех троих строго отчитал дежурный преподаватель - но ради первого дня занятий простил. Параграф номер два Устава Академии озорникам, конечно, придется выучить и сдать через два дня, но обязательную в таких случаях отработку великодушно отложили – до следующего раза.

Выйдя из учительской, все трое чинно зашагали по коридору. Дойдя до поворота, остановились, переглянулись – и захохотали. Тала оглядела мальчишек и первая протянула руку:

- Таэлла.

- Тирайн, - назвалсЯ крепыш.

- Саадан, - буркнул белобрысый.

- Прости меня, - Тала тронула пальцем прожженную на рукаве мальчишки дырку. – Я не думала...

- Пустяки, - великодушно отмахнулся Тирайн. И с тщательно скрываемой завистью добавил: - Лихо ты меня! Я бы так не смог...

- Делов-то, - пожала плечами Тала.

- Эй, - вмешался проходящий мимо невысокий – по виду едва лет десяти – темноволосый мальчик. – Это вы на церемонии драку затеяли?

- Вот еще, - фыркнула Тала. – Делать нам больше нечего! ТопаЙ давай отсюда...

- Да ладно, чего ты? - удивился белобрысый Саадан. И улыбнулся мальчишке: - Иди сюда. Ты кто?

Длинный, как зимняя ночь, второй параграф Устава они сдавали уже вчетвером.

Приземистое, неказистое на вид здание Академии магии стояло меж величавых, старинной постройки домов в центре столицы как петух в стае павлинов. Тем не менее, окрестные «павлины» гордились таким соседством. Золотая с черными буквами доска над

входом, символ Единства Стихий у ворот – четыре стрелы перехвачены крест-накрест тонкой лентой, ажурная решетка ограды, большой сад вокруг – даже если ты замшелый провинциал, все равно удивляться такому соседству не станешь.

Меж старых, раскидистых вязов и каштанов с хохотом и криками носилась на переменах ребятня. Мальчишки и девчонки кидались друг в друга каштанами и желудями, дразнились – совсем необидно. С легкой долей снисходительности посматривали на них старшие – почти взрослые юноши и девушки, без-пяти-минут-маги, важные, словно профессора, в своих длиннополых темно-синих мантиях.

Никто уже не вспомнит, сколько лет назад поднялся этот дом на улице Каштанов. Старожилы расходились во мнениях – одни говорили, что сотню, другие – что две; сами маги снисходительно выслушивали оба мнения и усмехались – если вообще давали себе труд выслушивать обывателей. Даже ученики Академии – совсем еще зеленые – сверху вниз посматривали на студентов Университета – хотя студенты, птенцы, созданного тридцать лет гнезда человеческой Высокой Науки, годами были явно постарше.

В Академию принимали детей, начиная с двенадцатилетнего возраста. Маги могли рождаться у магов, а могли – в обычных семьях, где никто сроду ворожбой не занимался и само слово «магия» заменял житейским «чары». Никто не мог бы угадать наперед, какой из появившихся на свет ребятишек станет волшебником – обычно способности начинали проявляться только в семь-восемь лет. В Гильдиях уже долгое время вели серьезнейшие исследования, выстраивали научные гипотезы, но дальше предположений дело пока не продвинулось. Все в руках Стихий, говорили маги, и это было воистину так.

Где отыскивали маги будущих учеников, знали только в Гильдиях. В дальних поселках, в глухих лесных домиках (почему-то в семьях лесников девочки-Земные появлялись на свет с завидной регулярностью, едва ли не через поколение), на хуторах, в уездных городах, в столице... Кто-то приходил сам. Кого-то приводили и упраскивали взять родители: иметь в семье мага считалось почетом; и то – платили волшебникам в Гильдиях столько, что всей семье можно было не тревожиться о хлебе насущном. Так бывало в столице или крупных городах, в которых работали Гильдии. К родителям из деревень, необразованным, зачастую напуганным странностями чада, волшебники приезжали сами. Во всем блеске парадных мундиров и наград. С могучими посохами (а как же, без этого – не поверят!). Сулили золотые горы, обещали жизнь без забот и всеми правдами и неправдами старались добиться согласия учить детей в Академии. Кого-то – и на казенный счет, если малыш талантлив, а семья бедна. Еще бы! Необученный маг может иной раз такого натворить, что и десяток дипломированных мудрецов потом не расхлебают. Многие соглашались. Отпрыски отправлялись в столицу; кто-то возвращался потом домой и диплом Академии вешал на стенку, занимаясь мелкой ворожбой; кто-то оставался работать в Гильдиях – семьи таких навсегда забывали, что такое нужда.

Отказавшихся сильно не притесняли. Если была возможность, к каждому такому втихомолку приставляли наставника – чтоб посматривал да подучивал. Часто юные мельники, плотники или кузнецы и не догадывались, что соседский дядько, который по десяток раз на дню попадает на улицах и к которому мать посылает будто бы за солью, – маг высочайшей квалификации, присланный сюда Академией. Не догадывались об этом и соседи – пришлый и пришлый, живет тихо, зла никому не делает... только вот если у такого кузнеца или там плотника лошадь подковать или стол сработать, то будет тот стол сотню лет стоять и внукам твоим достанется. А потом, когда вырастет маленький маг, к нему пойдут люди и будут с завистью вздыхать про себя: ну, чисто волшебник или слово какое знает.

Заканчивали Академию обычно в семнадцать лет, и с этого возраста маги официально признавались совершеннолетними – в отличие от обычных людей, для которых

совершеннолетие установлено в двадцать. Откуда и почему пошло такое неравенство, сейчас уже никто из людей не помнил; оно – так, и все тут. Маги, конечно же, помнили и знали. На лекциях ученикам рассказывали и о последней большой войне, и о том, как сто сорок лет назад численность магов упала до критического предела, и там уже не до различий было – приходилось выживать, и неоперившиеся птенцы работали и воевали наравне с седыми, изрезанными шрамами наставниками.

Обучение магов было поставлено в Академии достойно, это признавали все. Выпускники – юнцы, вчерашние мальчишки и девчонки – могли почти без труда найти работу хоть в королевском лесу, хоть на дальнем побережье: устроиться в морской порт или в любой из цехов ремесленников; имели право наниматься на работу в Гильдии мастеров; могли преподавать в Университете (студизусы сперва смеялись над преподавателями младше себя – после нескольких уроков притихали).

Университет официально принимал на работу юных магов – возраст не имел значения, пусть даже они бывали старше студентов всего на год-два, а то и совсем ровесники. Правда, чаще всего требовалась дополнительная специализация. Молодые маги должны были пройти еще двухлетний курс обучения в Гильдиях (Воды, Воздуха, Земли или Огня – смотря по природе Стихии), принести присягу – а уже потом получали все права (а с ними и обязанности) взрослых. Заведующая кафедрой Огненной магии, в прошлом сама боевой маг с сорокалетним опытом, например, открыто объявляла в требованиях на должность даже ассистента: диплом Гильдии обязателен. Господин декан факультета природных недр, к которому относилась кафедра Земной магии, был с ней полностью согласен. Кафедры Водников и Воздушников столь категоричны не были, но... и ему понятно, что на должность преподавателя мага без обучения в Гильдии возьмут лишь по оочень большой счастливой случайности. Случайностью считалась, разумеется, рекомендация все тех же Гильдий.

Исключения бывали, но редко. В Гильдии Огня работал совсем еще молодой маг Трелль, который закончил, говорят, Академию в пятнадцать, тут же был принят на работу – без всякой дополнительной специализации, а через год его с руками оторвала Гильдия рудознатцев, открывшая новое месторождение где-то на Севере.

Обучение в Академии было платным, но при известном прилежании и наличии таланта учеников переводили на казенный счет; большое подспорье для бедняков. Преподаватели не делали разницы между богатыми и бедными – это дела и игры для людей; нас, осененных дыханием Стихии, не должны волновать земные низменные прихоти. И как-то получилось само собой, что и ученики быстро переставали рядиться друг перед другом богатством или знатностью отцов; кто ты сам и что можешь – вот что важнее. Сын мага, ремесленника или министра – какая разница. Если отец твой – советник короля, но ты не помнишь таблицу сочетаний Сил, то грош тебе цена.

Впрочем, профессор Керсайт ин-Реаль никогда не стал бы хлопотать за дочь – у него были строгие понятия о справедливости. Отцом Тирайна Леа-Танна был князь маленького сопредельного княжества Таннада, но равным счетом никаких прав Тирайну это не давало. Кервин Ролл, бастард кого-то из влиятельных лиц, о происхождении своем вспоминал лишь, когда получал от отца деньги – а случалось это ой как нечасто. Саадан ар-Холейн, сын погибшего в приграничной стычке бедного армейского офицера, матери не помнил, его воспитывала тетка, белошвейка из модной лавки. Оборвыш – не пара приличной девочке? Отец так не считал. А всем остальным не было равным счетом никакого дела. За темными мантиями учеников Академии не видно, богатый камзол на тебе или бедняцкие лохмотья.

Нельзя сказать, чтобы Тала уж вовсе не обращала внимания на пересуды и шепотки («дочка профессора, а связалась с оборванцами... эй, в какой мусорной куче ты их

нашла?») за спиной. Но чаще это бывали соседские ребяташки или дети приятелей отца, а отвечать на оскорбления людей – магу... себя не уважать. Впрочем, при случае девочка могла и ответить – так, что обидчик поспешно ретировался под хохот окружающих, потирая горящие уши. Будущий маг Огня за словом в карман не лезла. Тирайн обычно храбро кидался защищать ее.

Самым добрым и безответным из них был все-таки Кервин. «Князь с одного бока», он ни капли не соответствовал своему, пусть и наполовину, но высокому положению. Незаметный, темноволосый, но веснушчатый, с виду он походил на сына прачки и батрака, богатый камзол сидел на нем, как на корове седло, а связать две фразы было невиданным достижением. Что, впрочем, напрочь пропадало на уроках – преподаватели уже ко второму курсу удивленно-испытующе посматривали на нескладного обормота, шутя играющего водными заклинаниями, и все чаще подсовывали ему книги, для прочих не предназначенные.

Впрочем, всех четверых в этом смысле Стихии не обидели. Тала – в конце четвертого курса у них начиналась специализация – сначала подумывала в сторону Университета – ей прочили карьеру профессора. Потом, правда, все-таки выбрала боевую магию – и не пожалела ни разу, что ей до пыльных фолиантов и тишины научных аудиторий. Тирайна, хоть и земного мага, сразу после выпуска мечтала забрать к себе Гильдия мореходов. Саадана уже к пятому курсу вырывали друг у друга Гильдия магов Воздуха и все та же Гильдия мореходов; впрочем, всем было очевидно, что выберет в итоге маг-воздушник.

Огонь и воздух, небо и земля, какие же они были разные. И – понимали друг друга с полуслова.

Как-то так получилось, что Тала – тощая, долговязая девчонка – с самого начала была заводилой в этой маленькой компании. Мальчишки слушались ее с полуслова; неважно, было ли это «А давайте на озеро удерем!» или «Какие вы скучные, мальчики, в вас же ни капли романтики!» – они, как верные собачонки, бежали следом. И хотя со стороны казалось, что эти четверо равны так, что равнее не бывает, а все же взрослые подчас вздыхали и улыбались, глядя на рыжую девочку и ее верную свиту. Подружек у Талы никогда не водилось; некому было морщить нос и говорить «фи», глядя на отчаянные выходки... впрочем, «фи» говорили, наверное, за спиной, вот только им четверым было – наплевать...

* * *

Когда им исполнилось по семнадцать – Тала запомнила этот год, он поворотным стал – все изменилось. Все чаще мальчики – нет, уже почти юноши – говорили о чем-то без нее. Они по-прежнему охотно посвящали ее в свои дела и секреты, но первая скрипка принадлежала теперь не ей.

К семнадцати годам Тала превратилась в девушку – высокую, стройную, гибкую, с насмешливым взглядом ярко-зеленых глаз; медные косы придавали ей величавость королевы – когда она давала себе труд уложить их в высокую прическу, а не замотать узлом на затылке. Пропали девчоночьи веснушки, развязность и неловкость движений уступили место плавности и неуловимой легкости, странному очарованию. Мальчишки же внешне оставались совсем мальчишками, угловатыми и неуклюжими, длиннорукими и лохматыми. Приятельницы, кузины, знакомые часто недоумевали: «Что ты нашла в этих обормотах?». Но даже самой себе Тала не решалась рассказать, как в этой мальчишеской неуклюжести порой проглядывали будущие сила и строгость – и как порой у нее перехватывало дыхание, когда она ловила этот мгновенный – еще будущий – проблеск.

И все чаще решающее слово оставалось теперь за одним, и остальные принимали это как должное – быть может, оттого скоро стало казаться, что так было всю жизнь и не может быть иначе. И Тала уступила без споров – словно время пришло, словно ей тоже стало важным – подчиняться именно ему и именно так...

А он словно и не замечал этого. И не выделялся вроде бы ничем – но вот поди ж ты. В их четверке каждый был ярок по-своему; как можно было сравнивать тихое упрямство Кервина или добрый юмор Тирайна; неяркий свет Саадана или взрывную непредсказуемость Талы. И все-таки, все-таки... Сдержанный, спокойный, негромкий, именно Саадан стал для них связующим звеном. Только в его присутствии, порой думала Тала, четверка становилась действительно четверкой; они могли безоглядно и открыто хохотать, острить, откровенничать и спорить... Неразлучные, поклявшиеся в дружбе на всю жизнь... ах, юношеские клятвы, наполненные высоким пафосом и огнем души; понимали ли они, чем потом обернется эта дружба?

...Наверное, это был первый раз, когда она поняла, что все изменилось. Выпускной бал Академии – светлый июньский вечер, музыка в распахнутых окнах, цветы, цветы, цветы, улыбки – смущенные и несмелые, и озорные, и слегка надменные. И танцы. Они кружились по залу – ученики и преподаватели вперемешку; кто сказал, что нельзя танцевать взрослым, если выпуск празднует молодежь? Удостоиться приглашения от ректора Академии, мессира Аленто мечтали почти все девушки-выпускницы – маг танцевал великолепно, а уж если добавить к этому его чуточку старомодную учтивость и мягкую, доброжелательную улыбку... Белые, розовые, голубые платья девушек, серебристые и стально-серые костюмы юношей, строгие синие мундиры преподавателей сливались в один пестрый круг.

Талу приглашали многие – столь многие, что порой ей приходилось отказывать сразу двоим, отвечая на приглашение третьего. Она и сама знала, что хороша: медные волосы уложены в высокую прическу, две вьющиеся пряди выпущены вдоль лица, белое платье – совсем простое, только с неяркой серебряно-зеленой нитью вышивки на груди, так красиво облегает гибкую фигуру. Серебряный браслет – подарок матери на выпуск – поблескивает изумрудами, и такие же длинные серьги качаются и тихо позванивают при ходьбе.

Тала любила и умела танцевать. Надо сказать, светские науки, против ожидания, преподавались в Академии так же тщательно и точно, как и все, что было связано с магией, и отлынивать от них не разрешалось. Тала, впрочем, не отлынивала, и ее часто ставили в пример другим. Унаследованные от матери гибкость и музыкальный слух давали ей возможность без труда усваивать даже самые сложные фигуры танцев. Мессир Ферс, учитель танцев, нередко брал ее в пару для показательных танцев – предмет зависти и гордости почти всех юных магичек.

Ее верная свита, впрочем, тоже не скучала. Тирайн приглашал Талу чаще других, но и он, случись получить отказ, не оставался без дамы. Кервина часто можно было видеть в паре с высокой черноволосой девочкой с предпоследнего курса. А Саадан на бал опоздал – и влетел в зал, запыхавшись, когда уже давно начались танцы.

Почему-то в тот вечер Тала то и дело искала его глазами. Как-то неувлимо выделялся он среди танцующих и притягивал многие взгляды – доброжелательные, удивленные, заинтересованные. Выйдя из зала, чтобы отдохнуть и выпить лимонаду, Тала слышала, как Терция Олль, известная язва и насмешница, проронила в адрес Саадана что-то весьма интригующее. Мысленно Тала показала ей язык – жди, как же, станет он тебя приглашать, ты ж ему все печенки проешь.

Отойдя к высокому, узорному распахнутому окну, Тала присела на тяжелую мраморную скамью. Ветерок, влетающий в распахнутые створки, шевелил пряди на висках. Ноги гудят. Как хорошо. Все хорошо. Все!

- Тала! – рядом неожиданно возник Тирайн. – Куда ты пропала? Сейчас твой любимый, «Листья осени». Пойдем скорее!

- Ой, да! - вскочила девушка. – Как же я могу пропустить...

- Тала... ты не откажешь мне?

Тала с едва заметной усмешкой взглянула на Тирайна. Разрумянившееся лицо, улыбка – а в глазах почти мольба. Как отказать?

Но когда они вошли в зал и Тала остановилась, чтобы поправить браслет на запястье, рядом прозвучал знакомый голос:

- Тала... позволь пригласить?

Она вскинула голову и увидела Саадана. И теплая волна неожиданно поднялась в груди – так, что Тала и сама удивилась.

Не раздумывая больше, девушка присела в поклоне, поднимая руку на плечо Саадана. И только краем глаза поймала обиду на лице Тирайна... пусть, она извинится перед ним потом.

Странно, почему Тала никогда не замечала, как хорошо он танцует? Мягко, уверенно, легко... она и с плохим-то партнером танцевала превосходно, а уж с таким... Они почти не касались паркета.

- Наконец-то, - чуть насмешливо протянула Тала. – Первый танец за весь вечер. Или ты забыл про меня?

- Как я мог забыть, - неожиданно серьезно и без улыбки ответил Саадан, подавая ей руку на «дорожку». – Но к тебе же не пробиться. Скажи, ты заранее все танцы расписала?

- Хороша бы я была, - фыркнула девушка, - если б ждала, когда ты соизволишь меня пригласить, и так бы и простояла весь бал у стенки. Ты, по-моему, тоже от недостатка внимания не страдаешь.

- Ты бы стояла? – улыбнулся Саадан. – Не поверю ни за что. Скорее, думала бы и выбирала, которому из пяти кавалеров отдать руку... и сердце.

- Вот еще! – фыркнула девушка.

- Что, не отдала бы сердце? – он явно поддразнивал.

- Отдала бы! – рассмеялась Тала. – Сказать, кому?

- Силы великие! Моя королева, неужели я узнаю имя этого счастливчика первым?

- О да, мой лорд. Непременно. Знайте, что сердце мое навсегда отдано... господину Аленто.

- А я-то думал... - преувеличенно печально протянул Саадан.

- Думал, что тебе? – Тала захохотала. – Ни-ког-да!!

- Кошмар, - он разочарованно наклонил голову – и осторожно придержал девушку, лавируя между танцующими парами. И заметил мимоходом: – Между прочим, тут не поворот, а поклон.

- Между прочим, как раз поворот. Нам господин Ферс говорил, что существует две разновидности этого танца, и более распространена как раз та, что с поворотом... а ты, кстати, как раз это занятие и пропустил!

- Нет мне прощения...

- Есть, - вдруг сказала Тала. – То есть будет тебе прощение, если...

- Если – что?

- Пригласи меня, пожалуйста, еще раз, - попросила она, улыбаясь.

И сердце неожиданно томительно сжалось.

Саадан пристально посмотрел на нее.